

Научная статья
УДК 81'373
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-149
EDN: XXBOUJ

Прецедентные имена с определителями-местоимениями как средство эмоциональной оценки

Ирина Васильевна Крюкова

Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27
kryukova-irina@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Аннотация. Теория прецедентного имени хорошо разработана в современной российской лингвистике, однако синтагматические возможности имен собственных с признаками прецедентности исследованы недостаточно. Статья посвящена решению одной из таких проблем – исследованию потенциальной способности прецедентных имен употребляться в минимальном контексте с определителями-местоимениями. Материалом исследования послужили текстовые фрагменты из публикаций в российских СМИ и массовой художественной литературе, в которых прецедентные имена употребляются в атрибутивных словосочетаниях с местоимениями. Цель исследования – определить влияние семантики местоимения на развитие понятийных признаков прецедентного имени.

В результате комплексного анализа (контекстуального, компонентного и стилистического) установлена зависимость эмоционально-экспрессивной окраски высказывания от разряда местоимения. Притяжательное местоимение *наш* и притяжательно-возвратное *свой*, практически равноправно употребляясь в минимальном контексте с прецедентным именем, используются преимущественно для позитивной эмоциональной оценки. Субъект/объект, которому приписываются признаки прецедентного имени, четко определен и назван в тексте. Неопределенные местоимения *какой-нибудь* и *какой-то*, а также определительное местоимение *всякий* (чаще в форме множественного числа) используются для негативной оценки признаков прецедентного имени, передают коннотации пренебрежения, придают всему высказыванию характер разговорности. Субъект / объект, которому приписываются признаки прецедентного имени, не определен или не однозначен. При употреблении разговорно-просторечного местоимения *этакий* (*эдакий*) выделяться и усиливаться могут в равной мере как положительные качества объекта / субъекта номинации, так и отрицательные. Таким образом, определительное местоимение эмоционально маркирует эталонный признак прецедентного имени, и в результате оно приобретает новые черты. Полученные результаты расширяют представление о семантике и синтактике прецедентного имени.

Ключевые слова: прецедентное имя; атрибутивное словосочетание; коннотативная сема; притяжательное местоимение; неопределенное местоимение; определительное местоимение; эмоциональная оценка

Для цитирования: Крюкова И. В. Прецедентные имена с определителями-местоимениями как средство эмоциональной оценки // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 149–156. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-149>. <https://elibrary.ru/XXBOUJ>

Original article

Precedent names with pronoun determiners as a means of emotional evaluation

Irina V. Kryukova

Doctor of philological sciences, professor, department of linguistics, Volgograd state socio-pedagogical university. 400005, Volgograd, V. I. Lenin Ave., 27
kryukova-irina@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Abstract. The theory of the precedent name is well developed in modern Russian linguistics. However, the syntagmatic potential of the proper names that display precedence has not been studied thoroughly enough. The article studies the potential of precedent names to be used in a minimal context with attributive pronouns. As the material for the study the author takes text fragments from publications in the Russian mass media and mass fiction, where

precedent names are used in attributive word combinations with pronouns. The aim of the study is to determine the influence of pronoun semantics on the development of conceptual attributes of a precedent name.

As a result of contextual, component, and stylistic analysis, the dependence of emotional and expressive charge of the statement on the pronoun category was established. The possessive pronoun *наш* and possessive-reflexive pronoun *свой* are almost equally used in a minimal context with a precedent name. At the same time, they are used mainly for positive emotional evaluation. The subject/object to which the characteristics of the precedent name are attributed is clearly defined and named in the text. The indefinite pronouns *какой-нибудь* and *какой-то*, as well as the attributive pronoun *всякий* (more often in the plural form: *всякие*), are used for negative evaluation of the precedent name characteristics, convey connotations of neglect, and give the whole statement a character of colloquiality. The subject/object to which the characteristics of a precedent name are attributed is not defined, or ambiguous. When using the colloquial pronoun *этакий* (*эдакий*), both positive and negative qualities of the object/subject of nomination can be equally emphasized and intensified. Thus, attributive pronouns emotionally mark the reference feature of precedent names, and as a result they acquire new characteristics. The results of the study expand the scope of semantics and syntactics of the precedent name.

Key words: precedent name; attributive word collocation; connotative seme; possessive pronoun; indefinite pronoun; determinative pronoun; emotional evaluation

For citation: Kryukova I. V. Precedent names with pronoun determiners as a means of emotional evaluation. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):149–156. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-149>. <https://elibrary.ru/XXBOUJ>

Введение

Данная статья посвящена одной из функциональных особенностей имен собственных с признаками precedentного имени – способностью употребляться в атрибутивном словосочетании с местоимениями, несвойственной онимам в их обычном, эмоционально нейтральном, употреблении.

Теории precedentности вообще и теории precedentного имени в частности около сорока лет, если брать за точку отсчета программную работу Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 1987]. Далее теория precedentного имени развивалась в трудах Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Е. А. Нахимовой и многих других. Широко известно определение precedentного имени В. В. Красных, согласно которому это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с precedentной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного precedentного имени» [Красных, 2002, с. 48]. Однако со временем расширяются представления об источниках precedentности, они уже не имеют четкого закрепления за одним известным текстом или одной ситуацией. Е. А. Нахимова классифицирует precedentные феномены, к которым относятся precedentные имена: precedentные события, precedentные поступки, календарная precedentность и др. [Нахимова, 2018].

Попутно заметим, что термин «precedентное имя» используется в отечественной ономастике и лингвокультурологии, в зарубежной лингвистике такие имена собственные рассматриваются в рамках большой группы «воплощенных имен» (*disembodied names*), то есть имен, прикрепленных к известным носителям или известной местности. Термин введен в научное употребление А. Гардинером [Gardiner, 1954], он используется преимущественно при исследовании семантических трансформаций онима – развития коннотативных значений у широко известных имен собственных [Nicolaisen, 1976; Langendonck, 2007; Nyström, 2016 и др.].

При этом в отечественной лингвистике в последнее время отмечаются и грамматические критерии выделения precedentных имен. Это отражено, например, в уточненном определении precedentного имени, которое Д. Б. Гудков дает в «Словаре лингвокультурологических терминов»: «precedентное имя – „воплощенное” имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и / или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться денотативно (интенционально), выступая в роли семантического предиката» [Гудков, 2020, с. 114]. Обратим внимание на последнюю часть этого определения, здесь к признакам широкой известности и способности к переносному употреблению добавляется грамматический признак.

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных общей теории precedentности и особенностям функционирования precedentных имен, синтагматические возможности данных имен исследованы недостаточно. В частности, к неис-

следованным проблемам относится влияние семантики местоимения на развитие понятийных признаков у прецедентного имени и эмоциональную окраску всего высказывания. Есть лишь упоминания об использовании прецедентных имен с определителями-прилагательными и местоимениями. Так, Е. А. Нахимова среди прочих критериев выделения прецедентного имени отмечает атрибутивный критерий, то есть использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени. «В подобных случаях при прецедентном антропониме имеется определение, которое свидетельствует о том, что соответствующее имя употреблено в особом смысле. В качестве указанных определений могут использоваться, в частности, такие прилагательные и местоимения, как *новый, современный, русский, наш, свой и другие*» [Нахимова, 2007, с. 66]. При этом местоимения не выделяются из прочих типов определителей прецедентного имени.

Между тем, по нашим наблюдениям, разнообразные сочетания прецедентных имен с местоимениями обладают специфическими особенностями функционирования, отличными от их употребления с определениями-прилагательными, всегда имеющими конкретное понятийное значение. Это связано с тем, что у местоимения и имени собственного есть немало общих признаков. С одной стороны, и местоимения, и имена собственные не описывают объект, а только лишь отсылают к нему, с другой стороны, и те, и другие в определенных контекстах способны выражать оценку. На это обращали внимание, как отечественные, так и зарубежные лингвисты [Langendonck, 2007; Motschenbacher, 2020; Шмелев, 2003; Падучева, 2018].

Таким образом, под прецедентными именами будем рассматривать онимы, которые не только имеют широкую известность в данном обществе и регулярно воспроизводятся в переносном значении, но и обладают определенным набором грамматических свойств, среди них – способность употребляться в минимальном контексте в определителями-местоимениями. Под определителями-местоимениями мы совокупно рассматриваем согласуемые местоимения трех разрядов (притяжательные, неопределенные и определительные), которые, сочетаясь с определяемым прецедентным именем, выступают в качестве эмоционального усилителя признака, выраженного данным именем.

Характеристика материала исследования и методика анализа

С целью определения влияния местоимения на развитие понятийных признаков прецедентного имени мы отобрали широко известные имена собственные, которые закрепились в русской речи в качестве прецедентных знаков в последние тридцать лет. Среди них имена-глобализмы, распространенные по всему миру (*Кока-Кола, Макдоналдс, Диснейленд, Голливуд, Терминатор, Санта-Барбара* и т. п.), имена советского периода, изменившие оценочный знак после смены общественного строя (*Ленин, Сталин, Хрущев, Жигули, Запорожец* и др.), имена переходного периода (*Леня Голубков, Черномырдин, Телепузики, Масяня* и др.), имена, сохраняющие актуальность современной России (*Сколково, Турция, ЛКОЙЛ, Абрамович* и др.). В этот список, который продолжает пополняться, входят онимы разных разрядов (антропонимы, топонимы, эргонимы, прагматонимы и др.), различных по характеру именуемого объекта, сферам-источникам, времени появления и степени закреплённости в речи. Результаты социономастического анализа данных имен были отражены в нашей монографии [Крюкова, Врублевская, Кирпичева, 2021]. Дальнейший взгляд на полученные результаты позволил увидеть неоднородность «апеллятивного конвоя», под которым в литературной ономастике понимается минимальное контекстуальное окружение онима [Васильева, 2022]. По нашим наблюдениям, наибольшая активность отмечена у прецедентных имен в конструкциях с определителями-местоимениями.

Материалом исследования послужили контекстуальные употребления данных прецедентных имен собственных, полученные в результате гипотетически заданных поисковых запросов (отмеченные выше онимы с определителями-местоимениями) в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] и корпусе текстов СМИ [East View]. Этот материал в дальнейшем был дополнен непосредственными наблюдениями за функционированием прецедентных имен с местоимениями в массовой художественной литературе, теле- и радиопередачах, интернет-коммуникации. Все отобранные для анализа контексты относятся к последним тридцати годам. За каждым из приведенных далее примеров стоит корпус однотипных контекстов.

Методика исследования прецедентных имен хорошо разработана, анализ проводится исходя из объединения имен с общей сферой-источником или общей сферой-мишенью, активно применяется

лексикографическая методика, методика анализа переводов и др. [Будаев, 2021]. Однако для определения коннотативных значений прецедентных имен в минимальном контексте с местоимениями потребовалась разработка комплексной методики с последовательным применением трех лингвистических методов: контекстуального анализа – при выявлении контекстов, в которых прецедентные имена с определителями-местоимениями служат средством эмоционально-экспрессивной оценки, и обобщении похожих значений в однотипных контекстах; компонентного анализа – при определении по каждому прецедентному имени семантических признаков (коннотативных сем), характерных для его функционирования в конструкциях с определителем-местоимением; стилистического анализа – при характеристике функциональной маркированности атрибутивных словосочетаний «прецедентное имя + местоимение» (нейтральное, разговорное, ироничное, пренебрежительное и т. п.).

Результаты исследования

Анализ показал наиболее активное употребление прецедентных имен в атрибутивных словосочетаниях с несколькими местоимениями: с притяжательным местоимением *наш* и притяжательно-возвратным *свой*; неопределенными местоимениями *какой-нибудь* и *какой-то*; определительным местоимением *всякий* и определительно-указательными местоимением *этакий* (*эдакий*). При этом отмечается зависимость эмоциональной оценки высказывания от разряда местоимения и его референтного статуса.

(1) «Прецедентное имя + притяжательное местоимение»

В своем основном значении притяжательное местоимение *наш* и притяжательно-возвратное местоимение *свой* указывают на принадлежность предмета лицу или другому предмету. Однако представление о принадлежности неоднородно и зависит от контекста. Сочетаясь с прецедентными именами, эти местоимения приобретают свойства оценочного знака и указывают на наличие у референта признаков, присущих носителю прецедентного имени.

Прежде всего следует отметить, что местоимения *наш* и *свой* практически равноправно употребляются в конструкциях с прецедентными именами в значении ‘отечественный’ или ‘местный’. В большинстве своем это словосочетания с именами-глобализмами с положительным семным набором, которые выступают в качестве эталона богатства, успеха, высокого качества, внешней привлекатель-

ности и т.п. При помощи притяжательных местоимений своя культура сопоставляется с чужой и оценивается как аналог чужой. *Даже у нас в СССР была своя кока-кола – «Байкал»* (МК-Санкт-Петербург, 20.06.2013). *Сейчас у нас, правда, в центре внимания другое – наша «кремниевая долина», наукоград «Сколково»* (Комсомольская правда, 04.03.2011). *Во Владикавказе появилась своя Анджелина Джоли. Осетинской Анджелиной Джоли окрестили пользователи соцсетей и СМИ 28-летнюю Алину Царахову из Владикавказа* (Московский комсомолец, 11.01.2019).

В рассмотренных выше контекстах, во-первых, оба члена сопоставления, обозначаемые двумя именами собственными, представляются по отдельности и оба называются в тексте, во-вторых, чужое по отношению к своему оценивается положительно. В отдельных случаях подобные конструкции могут апеллировать к чувству юмора. *Леня Голубков – это наш Микки Маус. Он маленький и самый слабый. На него любой может наехать. А он, несмотря ни на что, выживает, как-то борется за себя* (РИА Новости. 13.01.2011). Или стать средством создания иронии. *Давайте вспомним первого нашего Нострадамуса – ну, того, который предсказывал нам, что с 1980 года мы будем жить при коммунизме* (о Н. С. Хрущеве) (Известия, 23.04.2002).

Кроме того, у возвратно-притяжательного местоимения *свой* наблюдаются и другие особенности употребления в конструкциях с прецедентными именами, что связано с многозначностью данного местоимения. Оно может употребляться как в значении ‘принадлежащий себе’, так и в значении ‘принадлежащий другому лицу’ [МАС, IV, с. 55], поэтому в атрибутивных словосочетаниях с прецедентными именами оно характеризует и обратное взаимодействие – своя культура выступает эталонным определенным качеством, инструментом социальной оценки чужой культуры. Проиллюстрируем это примерами оценочных суждений о политических лидерах других стран, которые имеют общие черты с российскими политиками. *Сначала у азербайджанцев, как и у других советских социалистических наций, был свой, местный Ленин* (Столица, 15.04.1997) – коннотативная сема ‘лидер революционного движения’. *Хотелось бы, конечно, надеяться, что в Туркменистане появится свой Хрущев и у них все же начнется перестройка* (Комсомольская правда, 22.12.2006) – коннотативная сема ‘политик-реформатор’. Позитивная оценка преобладает, примеры негативной оценки единичны. *И в Америке есть свой Чернобырдин. Это*

их президент – Буш (Интернет-газета Zona Kz. 04.06.2004) – коннотативная сема ‘косноязычие’.

Во всех рассмотренных атрибутивных словосочетаниях притяжательные местоимения имеют референтный статус, то есть соотносятся с единичным объектом или субъектом, которым приписываются признаки прецедентного имени.

(2) «Прецедентное имя + неопределенное местоимение»

Иначе обстоит дело при употреблении прецедентных имен с неопределенными местоимениями.

Местоимения с формантом *-нибудь* в отечественной и зарубежной лингвистике определяются как экзистенциальные нереферентные (non-specific indefinite) [Ср.: Haspelmath, 1997; Падучева, 2018]. По определению Е. В. Падучевой, неопределенные местоимения выражают экзистенциальную квантификацию, то есть позволяют упоминать объект из того или иного класса (множества), не индивидуализируя его – не устанавливая референции к объекту. Такие местоимения не соотнесены ни с одним конкретным объектом в реальном мире (мире говорящего) [Падучева, 2018].

Референт, которому приписываются признаки прецедентного имени, не определен или не однозначен. Однако неопределенные местоимения как усилители признака прецедентного имени разнородны в эмоционально-оценочном плане.

Во-первых, местоимение *какой-нибудь* может обозначать любого (безразлично какого) носителя признака, выраженного прецедентным именем. Это первое значение, отмеченное в толковом словаре – ‘любой из рода подобных’ [МАС, II, с. 19], используется для усиления коннотативных сем прецедентного имени. – *Мы потратили на кампанию в десятки раз меньше, чем конкуренты. – А если бы какой-нибудь Березовский предложил большие деньги?* (Московские новости, 2003) – коннотативная сема ‘любой олигарх, богатый человек’. *Ну, может быть, раз на самолете слетать. Турцию какую-нибудь посмотреть* (Рассказы молодых людей о себе, 2005 // Из коллекции НКРЯ) – коннотативная сема ‘любое популярное место зарубежного отдыха’. *А у вас нет желания, используя свой огромный опыт, организовать какую-нибудь «Фабрику звезд», чтобы вернуть настоящую музыку в эфир и в кино?* (Труд-7, 01.03.2007) – коннотативная сема ‘любое шоу, в котором соревнуются молодые исполнители’. У прецедентного имени в контекстах подобного рода встречаем замену прописной буквы на строчную, подчеркивающую нефиксированность референта,

которая приводит к изменению статуса имени собственного. *Может быть, для них построят какой-нибудь диснейленд, где все они будут жить и видеть сладкие сны о России* (Вслух о..., 24.10.2003). *Пошли на помощь какого-нибудь спасителя, какого-нибудь терминатора, что ли на худой конец* (И. Баздырева. Таиландский детектив, 2008). Данное значение близко к нейтральному.

Во-вторых, неопределенные местоимения *какой-нибудь* и *какой-то* потенциально способны передавать коннотации пренебрежения и усиливать эмоционально-оценочную окраску всего высказывания. Эти разговорные оценочные значения тоже зафиксированы в толковом словаре: у *какой-нибудь* – ‘не стоящий внимания, незначительный, ничтожный’ [МАС, II, с. 19]; и более сильный эмоционально-оценочный компонент у местоимения *какой-то*, на что указывает дополнительное значение – ‘при назывании каких-либо свойств предмета, лица, вызывающих недоумение, удивление, досаду говорящего’ [МАС, II, с. 20]. Проиллюстрируем такое употребление текстовыми фрагментами из критических статей, посвященных низкой образовательной ценности мультипликационных сериалов, которые были популярны в 2000-х. Педагоги и психологи отмечали отсутствие в мультфильмах поучительного смысла, недалекость и даже умственную отсталость персонажей. *Давайте хотя бы в детских головах не разрушать образы хороших и правильных персонажей. А то ведь вырастут какие-нибудь телепузики* (Комсомольская правда, 24.05.2002). *Сравнивать Карлсона с какой-то Масяней – кощунство. Масяня натужна и искусственна. Стыдитесь!* (Аргументы и факты, 23.06.2004). *На этом фоне напуганные люди уже не смогут подвергнуть критике намерение тех же националистов заменить Чебурашку каким-нибудь покемоном* (Известия, 11.12.2008). Общая коннотативная сема в данных текстовых фрагментах – ‘глупые, недалекие, безыдейные персонажи’. Здесь местоимения *какой-нибудь* и *какой-то* синонимичны, они используются как препозиции, так и в постпозиции, как в форме множественного числа, так и единственного.

Кроме того, местоимение *какой-то* может иметь референтный статус, то есть соотноситься с единичным объектом реального мира, при этом экспрессия выражается наиболее ярко. Особенно это показательно в типовых словосочетаниях с разговорными усилительными частицами *просто* и *прямо* в препозиции и местоимением *какой-то* в постпозиции. *Прямо Голливуд какой-то, заложники в банке* (РБК. 15.10. 2015). *Сериал «Здесь кто-*

то есть» – это просто Санта-Барбара какая-то (Отзовик. 07. 08.2019.). Такой апеллятивный конвой прецедентного имени не только придает всему высказыванию характер стилистической сниженности, разговорности, но и значительно усиливает эмоциональную оценку полноты признака.

(3) «Прецедентное имя + определительное местоимение»

У местоимения *всякий* в атрибутивном словосочетании с прецедентным именем к основному значению ‘самый разнообразный, всевозможный, всяческий’ [МАС, I, с. 238] добавляется коннотация неприятия и пренебрежения, отмеченная в качестве суженного значения в «Активном словаре русского языка» – ‘в разговорной речи применительно к людям, неприятным говорящему’ [АСРЯ, II, с. 341].

Обратим внимание на два частотных грамматических признака, характерных для такого контекстуального окружения прецедентного имени. Во-первых, на практически регулярное употребление атрибутивных словосочетаний в форме множественного числа. Местоимение *всякие* в сочетании с именем собственным во множественном числе не только передает значение множественности однотипных объектов и повторяемости прецедентных ситуаций, оно также способствует формированию и последующему усилению негативных коннотаций. Например, при совокупной номинации объектов / субъектов, не заслуживающих, с точки зрения автора речи, внимания и уважения. Часто с заменой прописной буквы на строчную. *Не случайно всякие березовские, оказавшись там, на родине больших денег, тут же превращаются в рвань, прожирают награбленное* (Спецназ России. 15.08.2003). *Теперь он катается с Касперским по всяким урюпинским, а об антивирусах приходится рассказывать мне* (Вебпланета. 24.08.2011).

Во-вторых, формируются перечислительные градационные ряды из прецедентных антропонимов в форме множественного числа с определительным местоимением в препозиции, иногда в сочетании с разговорной частицей *там*. Как отмечает Е. А. Нахимова, «показателем неденотативного использования прецедентных антропонимов часто служит необычное отождествление их семантики с семантикой иных антропонимов» [Нахимова, 2007]. Отмечается частотность подобных грамматических конструкций в политической публицистике. С помощью такого ближайшего окружения прецедентных антропонимов автор речи выражает свою политическую позицию, дает

лаконичную и точную социальную оценку политических лидеров, объединяя в одном ряду неопределенное количество лиц. Причем имена политических лидеров со временем меняются, а отмеченные грамматические конструкции продолжают сохранять функциональную активность. Ср.: *Давно лежат на помойке истории всякие там новуходоносоры, чингисханы, ленины, сталины, гитлеры, пол поты* (А. Яковлев. Омут памяти. 2001); *Всякие Зюгановы, Явлинские, Жириновские... Вот эта несменяемость, она надолго?* (Новый регион 2. 11.06.2017).

Подобные высказывания часто встречаем в речи патриотически настроенных носителей русской лингвокультуры, отвергающих товары и услуги чужой страны. *Российский чудо-грузовик с блеском выиграл престижное ралли Париж – Дакар, обойдя всякие там «Рено» и «Мерседесы»* (Комсомольская правда. 18. 01.2000); *В Москве сегодня работают 25 таких ресторанов. Всякие «Макдоналдсы» и «Баскин Рбинсы» о таком только мечтают* (Огонёк. 2006. № 6). Или относящихся с некоторым пренебрежением к олигархам и богатым организациям: *Почему всякие Абрамовичи покупают «Челси», а народ нормально жить не может?* (РБК Daily. 12.07.2004.); *Государство в разной форме оказывает кинематографу поддержку. И «ЛУКОЙЛы» всякие тоже помогают, если оно попросит.* (Интервью со Станиславом Говорухиным. «Бульвар Гордона». 2011. № 14).

Определительно-указательное разговорное местоимение *этакий* и его вариант *эдакий*, помеченный в словаре как просторечный, имеют одинаковое значение ‘то же, что *такой*, но с большей выразительностью’ [МАС, IV, с. 768]. Несмотря на ярко выраженный разговорно-просторечный характер, оба варианта этого местоимения активно используются в современной публицистике в качестве эмоционально-экспрессивных усилителей переносного значения прецедентного имени. При этом, в отличие от рассмотренных выше атрибутивных словосочетаний с местоимением *всякий*, выделяться и усиливаться могут в равной мере как положительные качества объекта номинации, так и отрицательные. Ср.: *Проект «Голос» – эдакая «Фабрика звезд» в ее лучшие времена на российском телевидении* (Комсомольская правда, 26.12.2012) – коннотативная сема ‘успешный телепроект’; *Потрепанный четырехместный самолетик туристской авиакомпании «Кондор» – этакий летающий «Запорожец» – стукнулся о грунт, дважды подпрыгнул и побежал по пыльной посадочной полосе* (В. Овчинников. Размыш-

ления странника, 2012) – коннотативная сема ‘техническая отсталость’.

Заключение

Результаты анализа показали потенциальную способность определителей-местоимений выражать и усиливать эмоциональную оценку субъекта / объекта, которому приписываются какие-либо эталонные признаки прецедентного имени. Характер данной оценки напрямую зависит от ряда местоимения.

Притяжательное местоимение *наш* и притяжательно-возвратное *свой*, практически равноправно употребляясь в минимальном контексте с прецедентным именем, передают значение ‘местный’, ‘отечественный’ и используются преимущественно для характеристики своей культуры как аналога чужой. Местоимение *свой*, кроме того, способно характеризовать *свою* культуру как эталон качеств для чужой культуры. Оба местоимения используются для позитивной эмоциональной оценки и имеют референтный статус, то есть соотносятся с единичным, уникальным в своем роде, объектом или субъектом, которому приписываются признаки прецедентного имени.

Неопределенное местоимение *какой-нибудь* обозначает любого носителя эталонного признака прецедентного имени, употребляясь в контекстах, близких к нейтральным. Кроме того, неопределенные местоимения *какой-нибудь* и *какой-то* потенциально способны передавать коннотации пренебрежения и усиливать эмоционально-оценочную окраску всего высказывания. Оба местоимения используются для негативной эмоциональной оценки эталонных признаков прецедентного имени и имеют нереферентный статус, то есть субъект / объект, которому приписываются признаки прецедентного имени, не определен или не однозначен.

Определительное местоимение *всякий* употребляется с прецедентными именами в форме множественного числа, передает коннотации неприятия и пренебрежения в перечислительных конструкциях из нескольких имен с общим эталонным признаком, а определительно-указательное местоимение *этакий* (*эдакий*) используется как усилитель эталонного признака единичного субъекта / объекта, как с негативной оценкой, так и с позитивной.

В результате такого взаимодействия заключенное в прецедентном имени понятие приобретает черты эмоционально-оценочного знака, становится более очевидным позитивное или негативное отношение автора речи к носителю признаков прецедентного имени. Таким образом, по-

лученные результаты расширяют и углубляют представления о семантике прецедентного имени и его лексической сочетаемости.

Библиографический список

1. АСРЯ – Активный словарь русского языка. Т. 2 / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 409 с.
2. Будаев Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 22–36.
3. Васильева Н. В. Материалы к словарю терминов литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. Москва : ИЯз РАН, 2022. № 2 (17). С. 28–47.
4. Гудков Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. Москва : ЛЕНАНД, 2020. 200 с.
5. Красных В. В. Этнолингвистика и лингвокультурология. Москва : ИТДК «Гнозис», 2002. 284 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 261 с.
7. Крюкова И. В., Врублевская О. В., Кирпичева О. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки: динамический аспект. Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2020. 199 с.
8. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Русский язык, 1981–1984.
9. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 207 с.
10. Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 41–46.
11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.03.2024).
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. Москва : Издательство ЛКИ, 2018. 294 с.
13. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
14. East View. – Издания по общественным и гуманитарным наукам. URL: [https://lib.ranepa.ru/ru/informatsionnyeresursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view_\(дата_обращения: 31.03. 2024\)](https://lib.ranepa.ru/ru/informatsionnyeresursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view_(дата_обращения: 31.03. 2024)).
15. Gardiner A. The Theory of Proper Names. 2-nd ed. London : Oxford University Press, 1954. 78 p.
16. Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford : Oxford University Press, 1997. 364 p.
17. Langendonck W. Theory and Typology of Proper Names. Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. 378 p.

18. Langendonck W. V. Names and Grammar / W. Van Langendonck, M. Van de Velde // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 17–38.

19. Motschenbacher H. Corpus Linguistic Onomastics: A Plea for a CorpusBased Investigation of Names // Names (A Journal of Onomastics). 2020. P. 88–103.

20. Nicolaisen W. F. H. Are there Connotative Names? // Names. A Journal of Onomastics. Vol. 26., 1978. P. 41–47.

21. Nyström S. Names and Meaning // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 39–51.

Reference list

1. ASRJa – Aktivnyj slovar' russkogo jazyka = ADRL – Active Dictionary of the Russian Language. T. 2 / otv. red. akad. Ju. D. Apresjan. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 409 s.

2. Budaev Je. V. Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovanija = Precedence names in mass media: research methodology // Politicheskaja lingvistika. 2021. № 3 (87). S. 22–36.

3. Vasil'eva N. V. Materialy k slovarju terminov literaturnoj onomastiki = Materials for the dictionary of literary onomastics terms // Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov. Zhurnal nauchnyh publikacij. Elektronnoe nauchnoe izdanie. Moskva : IJaz RAN, 2022. № 2 (17). S. 28–47.

4. Gudkov D. B. Ljudi i zveri. Russkie precedentnye imena i zoonimy v nacional'nom mife. Lingvokul'turologičeskij slovar' = People and animals. Russian precedent names and zoonyms in the national myth. Linguocultural dictionary. Moskva : LENAND, 2020. 200 s.

5. Krasnyh V. V. Jetnolingvistika i lingvokul'turologija = Ethnolinguistics and linguoculturology. Moskva : ITDK «Gnozis», 2002. 284 s.

6. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and linguistic personality. Moskva : Nauka, 1987. 261 s.

7. Krjukova I. V., Vrublevskaja O. V., Kirpicheva O. V. Konnotativnye imena sobstvennye postsovetskogo perioda kak instrument social'noj ocenki: dinamičeskij aspekt = Connotative proper names in the post-Soviet period as a tool of social evaluation: a dynamic aspect. Volgograd : Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2020. 199 s.

8. MAS – Slovar' russkogo jazyka = MAS – Dictionary of the Russian language : v 4-h t. / pod red. A. P.

Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Russkij jazyk, 1981–1984.

9. Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii = Precedent names in mass communication. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2007. 207 s.

10. Nahimova E. A. O klassifikacii i differenciacii precedentnyh fenomenov v politicheskij kommunikacii = On the classification and differentiation of precedent phenomena in political communication // Politicheskaja lingvistika. 2018. № 1. S. 41–46.

11. NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = NCRL – National Corpus of the Russian Language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 31.03.2024).

12. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesenost' s dejstvitel'nost'ju: Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij = Utterance and its relation to reality: Referential aspects of pronoun semantics. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2018. 294 s.

13. Shmelev A. D. Russkij jazyk i vnezjazykovaja dejstvitel'nost' = The Russian language and extralinguistic reality. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 s.

14. East View. – Izdaniya po obshhestvennym i gumanitarnym naukam = Publications on social and humanitarian sciences. URL: <https://lib.ranepa.ru/ru/informatsionnye-resursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view> (data obrashhenija: 31.03.2024).

15. Gardiner A. The Theory of Proper Names. 2-nd ed. London : Oxford University Press, 1954. 78 p.

16. Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford : Oxford University Press, 1997. 364 p.

17. Langendonck W. Theory and Typology of Proper Names. Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. 378 p.

18. Langendonck W. V. Names and Grammar / W. Van Langendonck, M. Van de Velde // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford University Press, 2018. Pp. 17–38.

19. Motschenbacher H. Corpus Linguistic Onomastics: A Plea for a CorpusBased Investigation of Names // Names (A Journal of Onomastics). 2020. P. 88–103.

20. Nicolaisen W. F. H. Are there Connotative Names? // Names. A Journal of Onomastics. Vol. 26., 1978. P. 41–47.

21. Nyström S. Names and Meaning // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 39–51.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 21.04.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication on 15.05.2024